

Осмысление проблемы голода в Украине в свете Конвенции ООН по вопросам геноцида и анализа Рафаэля Лемкина*

Р. Сербин

Два исторических события оказались в центре последних дискуссий российских и украинских ученых и политиков. Наиболее жаркие и острые споры разгорелись вокруг темы германо-советской войны 1941-1945 гг. и вопроса участия в этой войне украинцев. Резкие разногласия с аналогичными политическими и научными последствиями сопровождали обсуждение проблемы судьбы украинского народа во время так называемой сталинской "революции сверху", или, если выразиться точнее, вопроса о геноцидном характере украинского голода 1932-1933 гг. Рассмотрение споров об украинском геноциде обнаруживает чрезмерную политизацию этого вопроса, рамки которого еще не до конца определены. Однако, чтобы осмысленно обсуждать спорную проблему украинского геноцида, необходимо иметь: а) авторитетное, постижимое и приемлемое определение слова "геноцид", б) систему понятий о геноциде, применимую к изучению исторического опыта Украины, и в) корпус документов, позволяющих достоверно воссоздать исторические реалии того времени, что необходимо для подтверждения тезиса о геноциде.

Единственным приемлемым определением термина "геноцид", которое можно использовать обоснованно, является определение, принятое Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1948 г. и позже повторенное в Римском Статуте (1998 г.). На основе этих принципов был создан Международный уголовный Суд (2002 г.) и ряд других правовых институтов, которые судят и наказывают виновников геноцида. Что касается геноцида против украинцев, именно Рафаэль Лемкин, отец Конвенции по геноциду, в 1953 г. представил самый всесторонний его анализ. Изучение международного права о геноциде и обширнейшая коллекция советских и других документов, ныне доступных исследователям, позволяют расширить это положение Лемкина. Рассмотрение этих трех аспектов позволит нам ответить на вопрос, совершил ли сталинский коммунистический режим преступление геноцида против украинской нации.

Определение ООН термина «геноцид»

9 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла «Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказания за него»¹. После ратификации различными странами документ вступил в силу 12 января 1951 г. В 1954 г. Конвенция была ратифицирована СССР (и отдельно, Украинской ССР), и сегодня главные положения этого документа – составная часть Уголовных кодексов России и Украины². Девятнадцать статей данной Конвенции

---

* Перевод с английского А. К. Дятловой, исправлен автором статьи.

¹ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml

² Уголовный кодекс РФ, Глава 34, Статья 357 (<http://www.zakonrf.info/uk/357/>); Кримінальний кодекс України, Стаття 442. (http://kodeksy.com.ua/kriminal_nij_kodeks_ukraini/statja-442.htm)

посвящены главным образом проблеме предотвращения геноцида и наказания за него. Преамбула и первые две статьи являются самыми важными для нашего обсуждения. В Преамбуле признается, что «на протяжении всей истории геноцид приносил большие потери человечеству», а первая статья гласит, что «геноцид независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права». Данное определение является существенным, поскольку преступление, которое украинцы называют "Голодомором", не может быть просто отклонено на основании того, что это событие произошло до принятия Конвенции ООН, когда преступник не был вовлечен ни в какую войну с внешним врагом.

Определение термина геноцид содержится в «Статье II», где сказано следующее:

«В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Данное определение нуждается в некотором разъяснении и объяснении того, как оно может быть применено к украинской трагедии.

Первое. Ключевой составляющей геноцида как процесса является «намерение»: чтобы доказать, что геноцид имел место, необходимо показать, что преступник действовал с умыслом уничтожить. В то же время нужно отметить, что Конвенция не касается мотивов, которые заставили геноцидера совершить это ужасное преступление, а только его намерения. И если знание мотивов может привести к раскрытию намерения совершения преступления, то его доказательство не требует установления этих мотивов. Другими словами, причина, которая привела коммунистический режим к уничтожению миллионов украинцев, не имеет особого значения при установлении геноцида украинского народа.

Второе. В качестве возможных жертв геноцида в указанной Конвенции рассматриваются только национальные, этнические, религиозные и расовые группы. Так как социальные группы не включены в данное определение, то для доказательства геноцида следует показать, что "украинские крестьяне" были объектом уничтожения как "украинцы", т.е. национальная или этническая группа, а не как "крестьяне" (т.е. социальная группа). Прилагательные «национальная» и «этническая» привели некоторых авторов к ошибочному мнению, что эти два слова

были использованы в документе как синонимы, поскольку в Восточной Европе термин «национальный» часто употребляется в значении «этнический». Фактически, творцы Конвенции не употребили эти два слова как синонимы. «Национальный» используется здесь в значении принадлежности той или иной группы людей к определенному политическому или административному образованию, формирующих политическую или гражданскую нацию (государство), независимо от их этнической принадлежности, религии или расы. Слово «этнический» относится к этносу (ethnos): группе людей с общей культурой и чувством принадлежности к одному и тому же сообществу.

Третье. Конвенция не предусматривает полного истребления намеченной группы как условие для признания геноцида – уничтожение значительной части этой группы людей достаточно для установления факта геноцида. Чтобы признать Сталина виновным в геноциде, *нет* необходимости доказывать, что он хотел убить всех украинцев.

Четвертое. Выражение «как таковую» относится к существительному «группа», а не к прилагательным «национальная», «этническая», «расовая» и «религиозная». Инкриминирующее намерение геноцидного акта направлено на уничтожение определенной группы, а не на ее отдельных участников. Выражение «как таковую» нельзя рассматривать как введение в определение геноцида еще одной составляющей – «мотива», который обычно связывается с понятием «ненависть» (т.е. ненависть к людям и уничтожение их из-за принадлежности к определенной национальной, этнической, религиозной или расовой группе). Если мы принимаем неизбежность мотива ненависти, тогда пятый пункт определения геноцида (ст. II, пункт «е») указанной Конвенции не имел бы смысла: почему тот, кто осуществляет геноцид, принудительно переводит *ненавидимых* детей из *презираемой* группы в свою собственную? Цель геноцида – сокращение группы физическим уничтожением или же насильственным удалением всей группы или ее части.

Пятое. Только в трех из пяти видов геноцида, обозначенных в Конвенции, говорится о физическом уничтожении, полном или частичном. В четвертом пункте говорится о предотвращении деторождения; в пятом – о насильственном переводе индивидов из одной группы в другую. В этих двух случаях жертвам не нанесен никакой физический вред, а дети, насильственно переведенные в другую группу, могут даже извлечь выгоду из этого. Особенность геноцида в последних двух случаях заключается не в физическом уничтожении членов группы, а лишь в уменьшении виктимной группы.

Наконец, нужно также учесть, что каждое требование признания геноцида должно быть проанализировано и рассмотрено отдельно и решено по существу дела. Признание геноцида против одной группы не зависит от признания или непризнания преступления против другой группы. Каждый пример геноцида должен быть исследован отдельно с должным обоснованием и соответствующей документальной базой. Признание или непризнание геноцида украинского населения не зависит от заявления (или отсутствия его) о казахском или российском геноциде.

Осмысление украинского геноцида

Первым ученым, создавшим концептуальную основу того, что мы теперь называем «Голодомором», был Рафаэль Лемкин. Рафаэль родился в семье польских евреев, живших сельским хозяйством, в деревне Безводне (Bezwodne) недалеко от древнего города древней Руси, Волковыск (Vaïkavysk) (Гродненская губерния). После Первой мировой войны эта область стала частью Польши, и Рафаэль поступил в Университет Яна Казимира во Львове, где в 1926 г. получил степень доктора права¹. Во время учебы Лемкин был потрясен армянской резней 1915 г., о которой общественность узнала из-за убийства одного из ее исполнителей в 1921 г. Не существовало никакого международного права, рассматривающего преступления против групп людей, и Лемкин решил работать над созданием таких законов. В 1930-х гг. он выступал на международных конференциях с докладами о преступлениях «варварства» и «вандализма», как он их называл, и в юридических кругах приобрел прочную репутацию эксперта международного права и творческого мыслителя. Немецкое вторжение в Польшу 1939 г. вынудило Лемкина сбежать за границу, в конечном счете он обосновался в США. В 1944 г. он опубликовал монографию о нацистской оккупации Европы. Книга стала основополагающей работой о геноциде. В ней Лемкин привел документальные подтверждения нацистских злодеяний по всей Европе и ввел термин «геноцид» для их описания².

Лемкин создал новый термин, соединив древнегреческое слово *genos* (род, племя) и латинское *caedo* (убиваю). Неологизм составлен по образцу таких композитных терминов как *tyrannicide* (тираноубийство), *homicide* (человекоубийство) и *infanticide* (детоубийство). Лемкин считал, что конечная цель геноцида – уничтожение определенной группы людей. Но это не подразумевало полного физического уничтожения всех ее членов. Автор объяснял геноцид как:

«скоординированный план различных действий, направленных на уничтожение существенных основ жизни национальных групп с целью истребления самих групп. Целью такого плана было бы разрушение политических и социальных учреждений, ущемление национальных чувств, уничтожение культуры, языка, религии и экономической жизни национальных групп, а также разрушение личной безопасности, свободы, оскорбление достоинства, нанесение вреда здоровью и даже жизни людей, принадлежащих к таким группам»³.

Упоминание Лемкиным «политических учреждений» и «культуры» свидетельствует о том, что он использовал выражение «национальные группы» и в политическом, и в этническом смысле. Позже в Конвенции ООН эти группы были представлены как две отдельные и обособленные - «национальные» и «этнические». Фактически, определение Лемкиным различных категорий людей –

---

¹ ЦДІАУ м.Львів. Ф.26, сп. 459, арк. 252-253зв; Ф.26, сп.1353, арк.683.

² Lemkin R. *Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1944.

³ Lemkin R. *Axis Rule in Occupied Europe*. Pp. xi, 80.

потенциальных жертв геноцида было намного более широким и включало, в частности, социальные и политические группы. Сохранение в Конвенции только четырех групп было итогом переговоров между делегатами из различных стран, входящих в редакционный комитет ООН.

Лемкину потребовалось четыре года, чтобы убедить делегатов Генеральной Ассамблеи организации Объединенных Наций принять закон о наказании за преступления геноцида. Окончательный текст Конвенции ООН о геноциде не полностью отражал взгляды Лемкина, но содержал его главные идеи. В сентябре 1953 г., через пять лет после принятия Конвенции и двадцать – после Великого Украинского Голода, Лемкин был приглашен в качестве главного докладчика на юбилейную встречу, проводимую Украинской общиной Нью-Йорка в Манхэттенском Центре¹. В своей речи он представил первую всеобъемлющую концептуальную основу для анализа того, что он назвал «советским геноцидом в Украине»². На страницах его доклада есть пометки карандашом, которые указывают, что он начал свою лекцию со следующего предложения: «То, о чем я хочу сказать, возможно, является классическим примером советского геноцида, самого долгого и широкомасштабного эксперимента по русификации, а именно – уничтожения украинской нации» (С. 62) Хорошо осведомленный о советской правовой системе, прекрасно знающий советские политические реалии, Лемкин показал глубокое понимание действия самого механизма украинской трагедии. В соответствии с принципами Конвенции ООН, Лемкин рассматривал украинскую катастрофу как «не просто случай массового убийства», но как случай «геноцида, уничтожения не отдельных лиц, но культуры и нации.» (С. 67).

Новизна подхода Лемкина состоит в его осмыслении украинского геноцида как многостороннего наступления на украинскую нацию в целом, а не только на крестьянство как одну из ее составляющих. «Первый удар», утверждает Лемкин, «предназначался интеллигенции, <мозгу нации>, чтобы парализовать остальные части ее тела» (С. 63). В результате, большое количество украинских «учителей, писателей, художников, мыслителей, политических лидеров были ликвидированы, заключены в тюрьму или высланы» (С. 63). Под словом «интеллигенция» Лемкин подразумевал «элиту» вообще.

Лемкин продолжает: «Параллельно с уничтожением интеллигенции проводились репрессии против церквей, священников и иерархии – <души> Украины» (С. 63). Примечательно, что юрист говорит и об украинской

---

¹ “Ukrainians March in Protest Parade. 10,000 Here Mark Anniversary of the 1933 Famine—Clergy Join in the Procession,” *The New York Times*, 21 September 1953. “Over 15,000 N.Y. Ukrainian Americans March in Protest Parade Marking Anniversary of Soviet Fostered 1932-1933 Famine in Ukraine,” *The Ukrainian Weekly*, 26 September 1953.

² Рукопись находится в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Текст был опубликован во многих академических журналах. К 50-й годовщине смерти Лемкина Международный благотворительный фонд «Украина 3000» издал юбилейную публикацию в его честь, где текст его выступления был переведен на 28 языков. См. Rafael Lemkin: *Soviet Genocide in Ukraine. Article in 28 languages*. Kyiv, 2009. Все приведенные цитаты Лемкина взяты из русского перевода его статьи, опубликованной в этом издании. Рядом с цитатами указаны номера страниц, на которых они находятся.

Православной Автокефальной церкви, возглавляемой Митрополитом Липкивским, и 10-тысячном духовенстве, уничтоженном перед Второй мировой войной; и украинской Католической церкви, ликвидированной после войны, во главе которой находился Митрополит Слипый. Лемкин считал, что украинская Католическая церковь была уничтожена потому, что была украинской. «Единственной целью этих репрессий была русификация, о чем свидетельствовало предложение присоединиться к Русской Православной Церкви Московского Патриархата, политическому орудию Кремля» (С. 63). Далее Лемкин утверждал, что «эти атаки, направленные на <душу>, имели и будут иметь серьезные последствия для <мозга> Украины, поскольку именно из семей духовенства традиционно происходила большая часть интеллигенции, в то время как сами священники становились лидерами в деревнях, а их жены возглавляли благотворительные организации» (С. 64). Интересно отметить, что при анализе процесса геноцидного уничтожения интеллигенции и церквей Лемкин не ограничивается перечислением кратковременных отдельных событий, а рассматривает их в исторической протяженности.

Только после рассмотрения судьбы интеллигенции и Церквей Лемкин обращается к доле крестьян-единоличников: «Третий удар советского плана был направлен на фермеров, большую массу независимых крестьян, которые являлись хранителями украинских традиций, фольклора и музыки, национального языка и литературы, национального духа Украины» (С. 64). Примечательно, что автор представляет главную жертву голода, украинских крестьян, не в их экономической роли, а как носителей тех качеств и характерных черт, благодаря которым они творят этническую нацию. Независимые крестьяне были главной (но не последней) жертвой основного (но не единственного) орудия геноцида – искусственного голода, и «оружие, использованное против этой группы, было, пожалуй, самым ужасным из всех – голодная смерть» (С. 64)

Лемкин сознательно отклонял то, что сегодня известно как «крестьяноцентристская»¹ или социально-экономическая интерпретация голода. Он критиковал «попытку оправдать эту вопиющую советскую жестокость как необходимую *экономическую меру* [курсив мой. – Р.С.], связанную с обобществлением пшеничных земель и ликвидацией кулаков – независимых фермеров». (С.64-65). «Урожай в том году [1932 г.] был достаточным, чтобы прокормить не только людей, но и скот в Украине» (С.65). Он настаивает, что «крупных фермеров в Украине было немного», что в государственных зернохранилищах был хлеб, и что такой необходимый на родине, он экспортировался «для создания капиталов за рубежом» (С.65). В подтверждение своего аргумента Лемкин цитирует Станислава Косиора, главу коммунистической партии Украины, который говорил, что «украинский национализм – наша главная угроза»², и приходит к заключению, что «украинское крестьянство было принесено

---

¹ В англоязычной исторической литературе используется термин «peasantist».

² Фраза из речи Косиора: «На Украине в данный момент главную опасность представляет местный украинский национализм, смыкающийся с империалистическими интересами» // Известия.

2 декабря 1933. С.5

в жертву, чтобы искоренить этот [украинский] национализм и установить ужасающее единообразие советского государства». (С.65).

Четвертым шагом геноцидного уничтожения украинской группы было не физическое истребление, а смешение этносов. Оно подразумевало «фрагментацию украинского народа, путем заселения Украины другими этническими группами и одновременно рассеяние украинцев по Восточной Европе» (С.66). Целью было уничтожение украинского этноса в пределах Украинской Советской Республики: «...таким образом, этническое единство было бы разрушено, а национальности смешаны» (С.66). В результате этих изменений в составе населения, «голода и депортаций, численность населения Украины сократилась» по абсолютным показателям (С.66). По мнению Лемкина, «это были основные этапы систематического уничтожения украинской нации, ее постепенного поглощения новым советским народом» (С.66).

Проницательный наблюдатель Холокоста и Голодомора, Лемкин не мог не сравнить нацистский и коммунистический геноциды. Он считал нужным отметить, что «не было попыток полного истребления [украинцев], подобным попыткам Германии уничтожить евреев» (С.66). Его рассуждения обоснованы: «[Украинская] нация слишком многочисленна, чтобы быть истребленной полностью с какой-либо эффективностью. Однако, ее лидеры, религиозные, интеллектуальные, политические, ее избранная и определяющая часть, довольно мала и поэтому легко устранима и, таким образом, именно на эти группы упал в полную силу советский топор, с его знакомыми инструментами массового убийства, высылками и принудительным трудом, изгнанием и голодом.» (С.63). Уничтожение украинской элиты, таким образом, рассматривается как ключевая часть процесса геноцида, а не как сопутствующее явление.

В анализе Лемкина есть один недостаток: в нем не уделено внимания судьбе более 8 млн. этнических украинцев, которые в 1920-х гг. проживали в РСФСР. Перепись 1937 года показала, что украинское население сократилось до половины от этого числа. Причиной подобного значительного сокращения численности этнических украинцев была смертность от голода и смена идентичности. Независимо от причин, согласно Конвенции ООН, такая потеря населения должна считаться частью геноцида. По аналогии с Холокостом, геноцид евреев совершался там, где Гитлер осуществлял свою власть, а геноцид украинцев имел место там, где правил Сталин.

Документальные доказательства украинского геноцида

Анализ Лемкиным геноцидного курса, проводимого сталинским коммунистическим режимом по отношению к украинцам, подтвержден недавно рассекреченными документами советских архивов. Лемкин был прав, утверждая, что Сталин не намеревался уничтожить *всех* украинцев: ни всех граждан УССР, ни украинскую этническую группу целиком, проживающую и на территории Украины, и по всему Советскому Союзу. Принести в жертву около 30 млн. душ человеческого материала, что составляло пятую часть населения советской империи, было бы полным безумием. Сталин намеревался истребить лишь часть

украинского населения, запугать украинскую элиту и превратить выжившее население в безропотные винтики его новой плановой экономики и растущего военно-промышленного комплекса. Лемкин прозорливо разгадал его стратегию, говоря о том, что Сталин осуществил ее, атакуя украинскую нацию по нескольким фронтам.

Осенью 1929 г. ГПУ начало новое наступление на украинскую элиту. Было арестовано 700 человек, главным образом национально сознательных украинских интеллигентов, приверженцев идеи независимости Украины. Всеволод Балицкий, глава ГПУ Украины, объединил арестованных в мнимую группу «Союз Визволення України» (СВУ). В состав предполагаемых заговорщиков во главе с академиком Сергеем Ефремовым включили бывших политических деятелей уже не существующей Украинской Центральной Рады: премьер-министра, двух министров и шесть депутатов. В группу были включены также два академика, пятнадцать профессоров, трое писателей, пять редакторов и священник Украинской Православной Церкви. Среди приписываемых группе преступлений было создание ячеек «в деревнях и селах» для пропаганды идеи отделения Украины от СССР.¹ В марте 1930 г. Балицкий сообщил в Москву, что в ряде деревень происходят волнения «под лозунгами «СВУ»», что крестьяне поют «Ще не вмерла Україна», выражают обеспокоенность здоровьем академика Ефремова² На показательном процессе, поставленном в оперном театре Харькова в марте и апреле, были преданы советскому «правосудию» 45 из предполагаемых лидеров СВУ. Это было началом серии судебных дел, организованных ГПУ, целью которых было терроризировать украинскую национальную элиту, чтобы помешать ей примкнуть к крестьянству в борьбе против безжалостной политики Сталина. Большая часть обвиняемых была осуждена на различные сроки, позже они погибли в Гулаге.

В январе 1930 г. Украинская Автокефальная Православная Церковь была вынуждена созвать «чрезвычайный собор» и объявить о своей самоликвидации³. В отличие от этого, Русской Православной Церкви, которая хотя также подвергалась гонениям, была предоставлена возможность продолжить свое существование в течение всего советского периода, а во время войны даже было позволено выбрать патриарха. Украинская Православная Церковь была уничтожена не из-за того, что была православной, а потому, что была украинской. Одновременно, по обвинению в национальном уклоне, под ударом власти оказались Всеукраинская академия наук и другие украинские учреждения. В этот решающий момент украинские крестьяне были лишены лидерства тех, кого Лемкин позже назвал «Душой» и «Мозгом» страны.

Репрессии против украинской национальной элиты продолжались в течение всего периода «сталинской революции сверху». Преследования осуществлялись

---

¹ Політичний терор і тероризм в Україні XIX-XX ст. Історичні нариси. Київ, Наукова думка, 2002. стор. 278-281, 404-407.

² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.3 Кн.1. 1930-1931. М.: РОССПЭН, 2003. Ц221-222.

³ Mace J.E. *Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine 1918-1933*. Cambridge, Mass. : HURI, 1983. P.264-280

поступательно, начиная с национально настроенных граждан и тех, кто выступал за независимость Украины, и заканчивая просоветскими украинцами, и даже украинскими коммунистами, которые разочаровались в советском режиме, разрушавшем их страну. В январе-феврале 1930 г. ГПУ арестовало 46 функционеров, работавших в различных украинских комиссариатах и отделах, и обвинило их в том, что те являлись членами организации, целью которой было разрушение советской экономики. Организацию обвиняли в тесном сотрудничестве с кулаками и СВУ и выполнении их приказов¹. В июне 1930 г. ее участников судил Верховный суд Украинской ССР, они были приговорены к 2-10 годам лишения свободы. В течение второй половины 1930 г. ГПУ раскрыло много реальных и воображаемых «контрреволюционных заговоров» кулацких и офицерских организаций, пытаясь предотвратить попытку «общеукраинского военного восстания». Аресты «партизанских организаций», возглавляемых «кулаками», которые склонялись к идеям СВУ, продолжались и в 1931 г. Осенью 1930 г. ГПУ сфабриковало дело «Украинского Национального Центра» (УНЦ), в состав которого входили выдающиеся историки, академик Михаил Грушевский и Матвей Яворский, и бывшие члены объявленных вне закона украинских политических партий. Аресты и суды над членами этой организации длились в течение всего 1931 г. В январе 1931 г. ГПУ уничтожило «Левобережный штаб повстанческих войск освобождения Украины»: двенадцать «главарей» были приговорены к смертной казни, также были казнены и многие из его «участников»². Позже крупный заговор был «раскрыт» среди офицеров Украинской Военной Организации (УВО); 328 из них были приговорены к смертной казни или длительным срокам тюремного заключения, целый офицерский корпус в Украине был тщательно вычищен. Уже в декабре 1930 г. в докладе ГПУ говорилось: «Кулаки постоянно пытаются оказать воздействие на солдат Красной Армии» и даже на членов ГПУ; их влияние «замечено особенно в тех частях, которые размещены в регионах, где шел их призыв». Так как воинские части все еще пополнялись из местной среды, возникала опасная связь между армией и крестьянами, недовольными проводимой политикой.

Производя чистку украинской национальной элиты, терроризируя украинскую городскую интеллигенцию для того, чтобы она бросила крестьян на произвол судьбы, коммунисты запускают процессы, которые лишили бы сельскую местность ее естественных лидеров – так называемых куркулей (кулаков). В декабре 1929 г. Сталин объявил, что продукция колхозов и совхозов может теперь заменить продукцию кулаков и заявил о переходе «от политики *ограничения* эксплуататорских тенденций кулачества к политике *ликвидации кулачества как класса*.»³ 23 января 1930 г. Украинское Политбюро приняло резолюцию о ликвидации кулачества и создало комиссию во главе со Станиславом Косиором, генеральным секретарем КП(б)У, в состав которой входили В. Балицкий, глава

---

¹ Розсекречена пам'ять. Голодомор 1932-1933 років в Україні в документах ГПУ-НКВД. Київ : Стило, 2007. С.74-81.

² Чистка Красной Армии на Украине проводилась в ответ на недовольство солдат коллективизацией и высылкой их семей. См.: Політичний терор і тероризм в Україні. С. 410.

³ Сталин И.В. Сочинения. М., 1955. Т. 12. С. 474

украинского ГПУ, и П. Постышев, человек Сталина в Харькове¹ 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло секретную резолюцию по раскулачиванию и депортации.² Кулаки были разделены на три категории. Представителей первой ждала смерть либо ссылка в концлагерь. Отнесенные ко второй группе подлежали переселению в отдаленные уголки СССР. Только кулаки из третьей категории переселялись в своих же регионах, но на земли низшего качества. Кулакам не разрешалось вступать в колхозы. Критерии, по которым эти группы различались, были нечеткими, что давало простор для действий ГПУ и местных властей. Сопrotивление коллективизации и другие проявления «менталитета кулака» были вполне достаточными для того, чтобы даже обедневшего крестьянина зачислить в кулаки, и страх попасть в этот разряд заставлял крестьян вступать в колхозы.

Зимой 1930 г. было раскулачено более 90 тыс. украинских хозяйств. Этот процесс продолжался в течение всего периода коллективизации, и в 1934 г. Станислав Косиор доложил о том, что в Украине раскулачены 200 тыс. хозяйств. Из расчета состава семьи в 5 человек общее число раскулаченных составило один миллион человек. Таким образом, Украина потеряла сотни тысяч своих лучших крестьян. В социально-политическом плане это означало, что крестьяне, составлявшие более чем три четверти населения республики и представлявшие собой «главную армию национального движения»³, потеряли своих естественных лидеров в борьбе с репрессивным режимом. Во время первой волны раскулачивания – зимой и весной 1930 г. – более чем 115 000 мужчин, женщин и детей были высланы из Украины. Следующий контингент был выслан год спустя, и процесс продолжался, пока в конечном счете несколько сотен тысяч украинцев не были сосланы на север России и в Сибирь. Депортация была организована по военному образцу с помощью вооруженных отрядов ГПУ и курсантов милиции. Большое количество депортируемых, в некоторых случаях до 50%, погибло в неотапливаемых товарных поездах и в пунктах назначения, пребывание в которых было губительным для здоровья. В результате депортации за пределы Украины были удалены наиболее национально сознательные элементы, что ослабило способность республики сопротивляться очередному этапу русификации. Уничтожение сельской элиты необходимо рассматривать в неразрывной связи с истреблением городской элиты. Вместе они формировали неотъемлемую часть украинской этнонациональной группы – цель сталинского геноцида.

Сталинский проект коллективизации подготовил почву для массового голода. Ближайшей экономической целью коллективного сельского хозяйства, как объяснял сам генсек студентам Института Красной профессуры в своей лекции 28 мая 1928 г., было увеличение производства *товарного* хлеба, необходимого для индустриализации⁴. Сталин уверял своих слушателей, что крупные хозяйства

---

¹ Васильев В., Віола Л. Коллективизація і селянський опір на Україні (листопад 1929 – березень 1930 рр.) С.76.

² Трагедия российской деревни. Т. 2 .С. 126-130

³ Сталин И.В. К национальному вопросу в Югославии. Речь в югославской комиссии ИККИ 30 марта 1925 г. // Сочинения. Т.7. М., 1954. С.71.

⁴ Правда. 2 июня 1928 г. Цит. по: Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М., 1955.

могут достичь этой цели быстрее, чем мелкие. В поддержку своего заявления он показал, что имения помещиков довоенной царской России и социализированные советские хозяйства (совхозы и колхозы) могли дать 47% своего продукта государству, в то время как средние и бедные крестьяне – до и после войны – продавали только одну восьмую часть своей продукции за пределы деревни. Генсек пришел к заключению, что мелкие хозяйства должны быть объединены в крупные коллективы, что позволит увеличить долю *товарного* зерна¹. Однако Сталин не учел тот факт, что в колхозах – в отличие от личных крупных хозяйств – будет больше едоков, которых нужно кормить; а также, что крестьянский инстинкт собственника и противостояние коллективизации негативным образом скажутся на производстве сельхозпродукции. Если в этих условиях государство настаивает на увеличении заготовок, то в счет товарного хлеба фактически включается зерно, необходимое для выживания крестьянина. Разрабатывая планы раскулачивания и коллективизации, Сталин не мог не осознавать опасности масштабного голода.

В данной статье мы не будем рассматривать, как начался голод в Украине, и какой вред он нанес украинскому населению – эти факты хорошо известны и широко описаны в научной и популярной литературе. В данном исследовании будет более уместным рассмотреть, как сами виновники и жертвы чудовищного преступления восприняли эту катастрофу. В сообщении ГПУ от мая 1934 г. цитируются услышанные неосторожные замечания, высказанные перед группой колхозников партийным активистом, уполномоченным проводить линию Сталина в Сахновщинском районе Харьковской области. Рассерженный чиновник, некий Прокопенко, сетовал: «Голод на Украине был вызван для того, чтобы уменьшить количество украинцев, заселить на их место людей из другой части СССР и этим убить всякую мысль о самостоятельности»² Не зная еще не существующего термина геноцид, Прокопенко обвинял коммунистический режим Сталина в преднамеренном истреблении украинцев как национально-этнической группы, т.е. в геноциде.

Сохранившаяся переписка крупных советских руководителей подтверждает слова Прокопенко. 26 апреля 1932 г. Косиор информирует Сталина о голоде в Украине, преуменьшая масштабы трагедии³. 10 июня Григорий Петровский, глава украинского государства [ЦИК УССР] и Влас Чубарь, глава украинского правительства [СНК УССР] пишут в Кремль индивидуальные письма, сообщая Молотову и Сталину об ужасном состоянии украинской деревни. Чубарь признавал, что уже в декабре и январе имели место случаи голода – как среди крестьян-единоличников, так и среди колхозников, и что «с марта-апреля недоедающих, голодающих, опухших и умирающих с голода в каждом селе набирались уже сотни; появились брошенные родителями дети и сироты». Чубарь обращал внимание на крестьян, раскулаченных в 1930 г., но не высланных из своих областей, которые теперь получали поддержку от своих обиженных односельчан – середняков и бедняков. Стоит упомянуть еще два приведенных факта: «Возросли

---

¹ Важно иметь в виду, что Сталин говорил о «товарном» зерне, а не зерне вообще.

² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 2. 1935-1934. М.: РОССПЭН, 2005. С. 572.

³ Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990. С. 148.

петлюровские и другие антисоветские настроения. Чрезвычайное развитие мелких и крупных краж усугубляет положение.»¹

Еще более важным для понимания ситуации является письмо Петровского. Он только что посетил множество деревень и повсюду видел массы людей, главным образом бедняков и середняков, которые умирали от голода и старались выжить на суррогатах. Крестьяне ругали, упрекали его, задавали щекотливые вопросы: «... зачем создали искусственный голод, [...] зачем посевматериал забрали – этого не было даже при старом режиме; почему украинцам нужно [...] ехать за хлебом в нехлебные края?» Указывая на то, что до сбора нового урожая еще шесть недель, и голод только усилится, Петровский спрашивал: «нельзя ли оказать помощь украинской деревне в размере двух или, в крайнем случае, полутора миллионов пудов хлеба». Если помощь не будет получена, предупреждал он, голод заставит крестьян убирать недозревшее зерно, и много его погибнет. Петровский нарисовал также безрадостную картину предстоящего урожая. Так как зерно лучшего качества, которое крестьяне сохраняли для посева, было изъято в счет хлебозаготовок, «то засев производился часто недоброкачественным материалом», и «высев был по уменьшенной норме». Наконец, Петровский обратил внимание на массовое бегство украинских крестьян. Они вынуждены искать пропитание за пределами республики: «на станцию Дно², Ц[ентрально -]Ч[ерноземную]О[бласть], в Белоруссию, и на Северный Кавказ стихийно двинулось село», ибо там хлеб был более доступным и по более низким ценам. Так как массовое бегство блокировало работу транспортной системы, Петровский предложил крестьянам организовать группы по закупке зерна через кооперацию. Но, как ему стало известно, наркомат транспорта резко сократил продажу билетов на поезда крестьянам. Сбитые с толку крестьяне укоряли Петровского: «Почему запрещают поездки за хлебом?»

Оба стойких украинских партийца писали Сталину, чтобы предупредить его о серьезной экономической ситуации в Украине, получить срочную помощь голодающему населению и добиться уменьшения плана хлебозаготовок следующего урожая. Оба жаловались на злоупотребления во время уборки урожая и на усиление голода, который заставлял отчаявшихся крестьян воровать или толкал их в объятия кулаков и петлюровцев. Если эти два украинца верили, что своими предупреждениями о беспорядках в украинской деревне и просьбами о сострадании они могут смягчить позицию Москвы, то они ошибались. Реакция Сталина, Кагановича и Молотова была прямо противоположной. Исполняя обязанности генсека, пока Сталин был в отпуске в Сочи, Каганович прочитал эти письма и 12 июня послал их Сталину со своими собственными критическими комментариями. Ответ Сталина был жестким и угрожающим. Он осудил ложную «самокритику» и фальшивую «игру в святых» двух украинских лидеров лишь заинтересованных «получить из Москвы новые миллионы пудов хлеба» и «добиться сокращения плана хлебозаготовок». Сталин посчитал обе просьбы

---

¹ Все цитаты и ссылки на эти два письма взяты из кн.: Командири Великого голоду. Поїздки В.Молотова і Л.Кагановича в Україну та на північний Кавказ 1932-1933 рр. К.: Генеза, 2001. С. 206-215.

² В Псковской области. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 2. С. 137.

недопустимыми: украинцы должны мобилизовать свои собственные ресурсы, поскольку «Украине дано больше, чем следует»¹ В следующем письме Кагановичу и Молотову Сталин признал голод, но возложил ответственность за него на неумелое местное руководство².

Сталин был хорошо осведомлен об украинских делах, и, главным образом в ответ на возникшую ситуацию и в ожидании новых проблем в республике, он издает печально известный закон, который впоследствии крестьяне назвали «законом о пяти колосках». В письмах от 20 июля Кагановичу и Молотову генсек жалуется на широко распространенные хищения колхозного и кооперативного имущества «кулаками (раскулаченными) и другими антиобщественными элементами» и предлагает издать закон в трех частях для того, чтобы: а) сравнять фрахт железной дороги, собственность колхоза и совместную собственность с государственной собственностью; б) осуждать за воровство любого из этих видов собственности «*минимумом* на десять лет, а, как правило, на смерть»; в) отменить право на амнистию за эти преступления³. Несколько дней спустя в повторном письме Сталин дал идеологическое обоснование этому закону: как капитализм не смог бы одержать победу без идеи «частная собственность – священная собственность», так и социализм не сможет полностью победить капитализм, «если не объявит, что общественная собственность (принадлежащая кооперативам, колхозам или государству) является священной и неприкосновенной»⁴ Сталин вернулся к этой теме 26 июля при разработке трех разделов будущего закона, цинично настаивая: «нужно действовать *на основании закона* («мужик любит законность»), а не на базе лишь *практики* ОГПУ, при этом, понятно, что роль ОГПУ здесь не только не будет умалена, а – наоборот – будет усилена и «облагорожена», («на законном основании», а не «по произволу» будут орудовать органы ОГПУ)»⁵.

7 августа 1932 г. было издано партийно-советское постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Это постановление стало главным правовым инструментом, который использовала советская власть, чтобы обречь миллионы крестьян на голодную смерть. Закон повторил слова Сталина, что вся общественная собственность является «священной и неприкосновенной», и те, кто пытается овладеть общественной собственностью, должны считаться «врагами народа»⁶ Все имущество колхоза, независимо от того, где оно находится (на поле или в хранилище), по данному закону приравнивалось к государственной собственности, за кражу которой вора приговаривали к смертной казни, которую, при наличии смягчающих обстоятельств, заменяли 10 годами тюремного заключения. Агитация за выход из колхоза приравнивалась к государственной

---

¹ Переписка Сталина и Кагановича. 1931-1936. М., 2001. С. 169.

² Там же. С. 179.

³ Переписка Сталина и Кагановича. С. 235. Подчеркнуто в тексте.

⁴ Там же. С. 241.

⁵ Там же. С. 246.

⁶ Трагедия советской деревни. Т.3. С. 453-454.

измене, что наказывалось тремя – пятью годами концентрационных лагерей. Эти преступления не подлежали амнистии.

Постановление о государственной собственности действовало по всему Советскому Союзу, но прежде всего в отношении Украины, как и было подчеркнуто в письме Сталина Кагановичу, посланном всего через четыре дня после обнародования закона. Сталин приказал составить *«письмо-директиву от ЦК к партийным и судебно-карательным организациям о смысле этих декретов и способах проведения их в жизнь»*. Он считал решение данной задачи *«абсолютно необходимым»*, потому что закон *«хорош и он скоро возымеет свое действие»*. Затем генсек обратился к украинской проблеме с очень показательным заявлением:

«Самое главное сейчас Украина. Дела на Украине из рук вон плохи. Плохо по партийной линии. Говоря, что в двух областях Украины (кажется, в Киевской и Днепропетровской) около 50-ти райкомов высказались против плана хлебозаготовок, признав его нереальным. В других райкомах обстоит дело, как утверждают, не лучше. На что это похоже? Это не партия, а парламент, карикатура на парламент. Вместо того, чтобы руководить районами, Косиор все время лавировал между директивами ЦК ВКП и требованиями райкомов и вот – долавировался до ручки.[...] Плохо по линии советской. Чубарь – не руководитель. Плохо по линии ГПУ. Реденсу не по плечу руководить борьбой с контрреволюцией в такой большой и своеобразной республике, как Украина.» [подчеркнуто в оригинале – Р.С.]¹

Затем Сталин вытаскивает на свет призрак украинского сепаратизма, идеи, которая преследовала многих российских империалистов: *«Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять.»* Он напомнил Кагановичу, что Пилсудский не дремлет, и что его агентура гораздо сильнее, чем это себе представляют руководители ГПУ и коммунистической партии Украины. Сталин выразил презрение всей КП(б)У, которая состояла из 500 000 членов (*«хе-хе»* – смеялся Сталин), но в нее проникли агенты Пилсудского и *«немало (да немало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев»*. Памятуя негативную реакцию Украины на кровавые законы о собственности, Сталин предупреждал: *«Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии против партии.»* Данная ситуация в Украине не может дальше продолжаться без изменений, а поскольку *«украинская верхушка не видит этих опасностей»*, Сталин предложил заменить Косиора Кагановичем и Реденса – Балицким, а через несколько месяцев можно будет так же заменить и Чубаря. Таким путем Сталин намеревался превратить Украину *«в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику»*. Сталин считал задачу срочной и призывал к незамедлительному принятию мер, потому что *«без этих и подобных им мероприятий (хозяйственное и*

---

¹ Переписка Сталина и Кагановича. С. 273-274.

политическое укрепление Украины, в первую очередь – ее приграничных районов и т.п.), повторяюсь, мы можем потерять Украину»¹.

«Закон о пяти колосках» предоставил коммунистическому режиму необходимую правовую основу для того, чтобы довести украинское крестьянство до состояния медленного голодания. Обмен Сталина письмами с Кагановичем показывает ту обстановку, в которой проводилась политика, результатом которой был мучительный, смертельный голод. Чтобы достичь главной цели – сохранения высокого уровня хлебазаготовок, необходимо было устранить любой ценой все преграды внутри и вне республики. Призрак агентов Пилсудского и Петлюры, якобы свободно передвигающихся по Украине и по преимущественно населенном украинцами Кубанскому региону, где ими оказались пронизаны сверху донизу партийная и советская машины, был ничем иным как всего лишь ширмой. Генсек прекрасно осознавал, что к лету 1932 г. бессильная польская сеть и несколько коллаборационистов были обезврежены ГПУ, которое также арестовало реальных и мнимых приверженцев убитого Петлюры. Советско-польский договор о ненападении, подписанный 25 июля 1932 г., был вполне достаточным доказательством улучшения отношений между двумя соседями². Пилсудский и Петлюра были нужны советской пропаганде лишь в качестве пугала, и в дальнейшем эта идея оставалась весьма популярной. Но если серьезной угрозы со стороны поляков или старых украинских националистов не существовало, то в условиях ожидаемого голода (а Сталин предвидел, что это произойдет, когда писал: «как только дела станут хуже») восстание могло вспыхнуть в результате объединения чувствующих себя под угрозой кадров КП(б)У среднего звена с погибающим от голода крестьянством. Чтобы предотвратить это, необходимо было провести чистку КП (б)У и держать ее под строгим контролем Москвы.

Еще две черты характеризуют специфику украинского геноцида. В отличие от голода 1921-1923 гг., когда крестьяне бежали из РСФСР в Украину в поисках пропитания, в 1932-1933 гг. все было наоборот: крестьяне из Украины и Кубанской области, в основном населенной украинцами, пытались спасти свои жизни, выменивая в России вещи на еду. 22 января 1933 г. специальная директива, выпущенная от имени Молотова и Сталина, запретила подобные выезды и приказала ОГПУ перехватывать крестьян из Украины и Кубани, пытающихся перебраться в другие регионы СССР. В ответ на эту директиву, в течение первых трех месяцев после начала операций ГПУ арестовало 258 401 человека, 230 633 из которых было отослано обратно, в голодающие деревни, а остальные были задержаны или сосланы³. Очевидно, что блокада украинских земель была направлена на то, чтобы усугубить голод в Украине и на Кубани.

---

¹ Там же. С. 274. 12 августа Сталин отправил сообщение Кагановичу, в котором просил сохранить в тайне план относительно Украины, изложенный в предыдущем письме. См.: Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 276. Чтобы укрепить решимость Косиора, в январе 1933 г. Сталин назначил более решительного Постышева его заместителем; Балицкий сменил Реденса в феврале 1933 г.

² Snyder T. *Sketches from a Secret War*. New Haven, Yale University Press. P. 104.

³ *Famine in the USSR 1929-1934. New Documentary Evidence*. P. 83. DVD, 2009

Другой антиукраинской мерой стал партийный и государственный декрет, в котором украинизация была объявлена фактором, затруднившим ход хлебозаготовок и облегчившим проникновение в партийные и советские структуры петлюровцев и других буржуазных националистов. 14 декабря 1932 г. украинизация была резко прекращена на территории Северного Кавказа, а на следующий день – на остальной части РСФСР¹. Как следствие, этническим украинцам было запрещено использовать родной язык в школах, средствах массовой информации и местных органах власти. Голод и антиукраинское законодательство стали факторами сокращения численности зарегистрированных в СССР украинцев, проживающих за пределами Украинской ССР, с 8 000 000, согласно переписи 1926 г. до приблизительно половины этого количества – по переписи 1937 г. Это также следует считать геноцидной мерой против украинской этнической группы.

XII съезд КП(б)У в январе 1934 г. стал поводом для подведения итогов достижений после XI съезда (май 1930 г.). Постышев восторженно заявил о том, что 1933 г. был «годом разгрома националистической контрреволюции, разоблачения и разгрома националистического уклона во главе со Скрыпником». Поскольку классовая борьба усиливалась, «националистические элементы особенно прочно в 1931 и 1932 году активизировались, с каждым днем проникая на новые и новые участки социалистического строительства». Поворот произошел после принятия резолюции 14 декабря 1932 г. и критики украинской партии со стороны московского ЦК 24 января 1933 г. После этого, как сделал вывод Постышев, «когда сказали: бей его националиста, контрреволюционера, бей эту сволочь, бей крепче, не бойся, – эти активисты, партийцы, комсомольцы взяли за дело по-большевистскому – и колхозы пошли в гору»²

На том же самом съезде Балицкий представил «разгром украинского контрреволюционного подполья в 1933 году» как одновременное действие ГПУ по двум направлениям: «а) в ударе по низовым антисоветским группам, в которые входили кулацко-петлюровские элементы на селе, организовывавшие саботаж и подрывную работу в сельском хозяйстве, и б) в решительном разгроме руководящих центров, в первую очередь так называемой «Украинской военной организации», которая возглавляла повстанческую, шпионскую и диверсионную работу, а также организацию саботажа в сельском хозяйстве». ГПУ также раскрыло блок украинских националистических партий, которых Балицкий представил как агентуру «международной контрреволюции, в первую очередь немецкого и польского фашизма»³. Балицкий мог бы также упомянуть и о своей роли в нападениях на Скрыпника, которые довели наркома просвещения до самоубийства 7 июля 1933 г., и о роли ГПУ в чистке наркомата Скрыпника, в ходе

---

¹ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 575-577

² П. Постышев. Борьба КП(б)У за здійснення ленінської національної політики в Україні // Червоний шлях. — 1934. — № 2 — 3. — С. 165 — 176. (www.archives.gov.ua/Sections/Famine/Postyshev.php).

³ Балицкий В. Выше большевистскую бдительность в борьбе с классовым врагом. Речь на XII съезде КП(б)У. – К., 1934. – 16 с. // [http:// www.archives.gov.ua/Sections/Famine/Balytsky.php](http://www.archives.gov.ua/Sections/Famine/Balytsky.php)

которой было уволено «200 служащих центрального отделения и снято всех областных руководителей и 90% – районных».¹

Советские документы ясно показывают, что коммунистический режим Сталина атаковал украинское население с намерением физически уничтожить значительную его часть и превратить остальных в денационализированный класс послушных винтиков. Работа Лемкина привлекает наше внимание к тому факту, что атака на украинскую нацию осуществлялась разными способами. Огромное количество жертв вызванного голода было лишь одним из компонентов геноцида, следствием которого было уменьшение и изменение оставшейся украинской группы как национальной (политической) и этнической (культурной) общности. Парадигму Лемкина необходимо дополнить, включая в украинскую этническую группу всех украинцев, которые проживали в границах СССР. Уничтожение украинцев, которые стали жертвами сталинских репрессий на Кубани и в других частях РСФСР, было частью геноцида украинской группы, и должно быть интегрировано в исторический дискурс.

Мы начали наше рассмотрение проблемы украинского геноцида с утверждения, что дебаты между украинскими и российскими историками по голоду 1932-1933 гг. и войне 1941-1945 гг. имеют политическую подоплеку. То, что связывает эти споры – борьба за передел постсоветского пространства. Российские историки настаивают на единстве исторического прошлого двух славянских стран, в то время как украинские историки подчеркивают отличительные особенности украинского опыта. По крайней мере некоторые российские историки готовы пойти на многое, чтобы поддержать это психологическое единство. Недавние заявления Виктора Данилова и Ивана Зеленина показывают, как исторические убеждения могут быть подчинены политическим соображениям. Выдающиеся российские историки настаивают: «И если уж характеризовать голодомор 1932-1933 гг. как «целенаправленный геноцид украинского крестьянства», [...], то надо иметь в виду, что это был геноцид в равной мере и российского крестьянства – Дона и Кубани, Поволжья, Центрального Черноземья, Урала,...»² Они готовы поддержать идею украинского геноцида, если его считать одним из серии геноцидов, позволяя таким образом поддерживать концепцию «общей истории». Украинские историки, которые настаивают на украинском геноциде, отличаются от российских коллег тем, что они не пытаются навязать свое представление о том, как русские должны интерпретировать свою собственную историю.

---

¹ Ю. Шаповал, В. Золотарьов. Всеволод Балицкий : особа, час, оточення. Київ, 2002 Стор. 221.

² Данилов В.П., Зеленин И.Е. Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5. С. 109.